

Второе задание: жизнь и смерть Веры Волошиной

Анатолий Борисович
Воронин (р. 1967) –
независимый исследова-
тель-москвовед, автор
книги «Москва 1941»
(2016).

27 ноября 1941 года в штаб 19-го пехотного полка 7-й пехотной дивизии вермахта, дислоцированный в подмосковной деревне Головково, была доставлена задержанная девушка. «Просеивание» местного населения стало для немцев привычной рутинной, лишь усиливавшей и без того царившие в войсках с самого начала войны параноидальные настроения. Теперь, когда первый год войны стремительно катился к финалу, а немецкая армия безнадежно увязла в русской грязи, они стали повсеместными. Решительной победы под Москвой, кажется, не вышло.

Возможно, именно такие мысли досаждали Герману Пюркхауэру – командиру полка, вот уже два месяца пребывавшему в своей должности. Он разделял агрессивную подозрительность своих подчиненных: ему тоже кругом мерещились партизаны. Тем более, что вышестоящие штабы слали депешу за депешей, предупреждая о грозной опасности в прифронтовом тылу. Их сухие строчки как будто отмеряли будущие казни:

«В последнее время на многих участках отмечен заброс за линию фронта гражданских лиц и одиночных военнослужащих с целью систематического сожжения деревень за линией фронта. Еще раз обращаем внимание на то, что все гражданские лица, выявленные в зоне боевых действий глубже рубежа Грибцово – Дорохово, должны беспощадно расстреливаться»¹.

С самого утра командиру донесли, что ночью, в двадцати километрах западнее Головково, кто-то поджег три дома в деревне Петрищево. А теперь еще и эта «ружейная баба»!²

ПОЛКОВНИК И ПАРТИЗАНКА

При обыске у одетой в солдатскую шинель неизвестной были изъяты компас и револьвер. Представившись «Верой Горой», девушка заявила пленителям, что работала артисткой массовки на съемках фильма о советских женщинах на фронте и в тылу.

1 National Archives and Records Administration (NARA). T. 315. R. 1561. F. 528. Besondere Anordnungen, 197. Infanterie Division, Abt. Ia, Div. Gef. St., den 23. November 1941.

2 *Flintenweiber* (нем.) – уничижительное прозвище, применявшееся в германской армии в отношении женщин-красноармеек.

Рассказ был похож на правду. Но над немецким полковником довлел приказ. Веру подвергли пыткам – у немцев это лукаво называлось «жесткими мерами допроса», – после чего она созналась, что является членом группы, брошенной за линию фронта для дезорганизации немецкого тыла. В конечном счете, вытянутое зверскими побоями признание стоило задержанной жизни.

Подобно многим офицерам и солдатам вермахта, 44-летний полковник Пюркхауэр, распорядившийся жизнями чужих ему «восточных людей», считал, что «просто выполняет свою работу». Этот баварец, являясь вполне типичным кадровым военным, встретил Первую мировую войну курсантом, воодушевляемым горячим национальным чувством. Через несколько лет лейтенант Пюркхауэр, командир роты, оказался во французском плену. Баварские соединения славились своей выправкой, и после войны ему удалось попасть в одно из таких – в 7-ю пехотную дивизию³. Патриотизм миллионов немцев был болезненно уязвлен поражением «второго рейха» и ничтожеством веймарской реальности; именно этот расклад вывел на первый план Гитлера и его группу. Аккуратист, приученный к беспрекословному исполнению приказов, Пюркхауэр, вне всякого сомнения, принадлежал к числу одобренных утверждение нового порядка.

Однако порядок сменился войной. Словно в плохо смонтированном кино, перемежались кадры чужих лесов, повсеместной нищеты и смешавшихся воедино деревенских стоянок. Девушка Вера была лишь маленькой частью этого ландшафта, и потому Пюркхауэр вряд ли подумал о судьбе своей посланной на смерть пленницы дважды. Она ведь сама созналась, что является партизанкой; да, он знал, что методы установления правды были негуманными – но идет война. С крыльца штаба казненную хорошо было видно: тело висело на придорожной иве, а рядом была прибита табличка, сообщавшая, что убитая входила в группу «поджигателей». Демонстративные зверства были призваны устрашить местное население, но крестьяне на недавней казни почти не присутствовали: жители деревни Головково либо попрятались в лесах, либо же загодя ушли подальше на запад, как было предписано немцами. С точки зрения полковника думать тут было не о чем – рутина восточного похода, столь же обыденная, как и рапорт, который теперь требовалось подать наверх.

Обстоятельства задержания Веры Горы, жестокого допроса и вынесения приговора полковник Пюркхауэр аккуратно зафиксировал в «докладе о допросе», один из экземпляров которо-

3 Bundesarchiv Militärarchiv Freiburg (BArch MA). Msg 109/2046. Biografie des Generalmajors Hermann Pürckhauer.

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН

ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН
ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ

Илл. 1, 2. «Доклад о допросе» Веры Горы (Волошиной), подготовленный полковником Пюркауэром. NARA. T. 315. R. 1924. F. 217-218.

го был им направлен в соседнюю, 292-ю, пехотную дивизию⁴. Спустя восемь десятилетий этот документ станет ниточкой, позволившей детально расследовать гибель советской партизанки⁵. Тело Веры оставалось на импровизированной виселице до отхода немецких частей; для гитлеровцев подобные декорации бесчеловечности были нормой в извращенном мире оккупированных «восточных территорий», а также способом своеобразного варварского бахвальства перед солдатами и офицерами соседних подразделений. Среди последних, кстати, были и коллаборационисты из Легиона французских добровольцев – и они любили фотографировать мертвую натуру.

Abtschrift !
Infanterie - Regiment 19
Abteilung Ia
Rgts.Gef.St., den 28.11.41

Bericht über die Vernehmung der Wera Gora, geboren in Kemerowo bei Nowo Sibirsk, 21 Jahre alt, Beruf: Studentin in Moskau.

Im Abschnitt des III./J.R.19 wurde am 27.11. - 8.00 Uhr die vorgenannte Frau festgenommen. Sie trägt Uniform und Uniformmantel, war bewaffnet mit einer Pistole und ausgerüstet mit Kompaß. Bei Beginn des Verhörs gab die G. an, Angehörige einer Filmartistengruppe zu sein, die am 21.11. über Kunzewo (9 km westl. Moskau) an die Front südlich der Seen-Engel transportiert worden sei. Die Uniformierung und Bewaffnung war im Gebäude der Orts-G.P.U. (jetztige Abteilung für G.P.U.) durchgeführt worden. Zweck der von mehreren Filmoperatoren begleiteten Expedition sei die Anfertigung eines Propaganda-Films gewesen, der die Arbeit weiblicher Soldaten hinter und an der Frontlinie zeigen sollte. Diese Aussage erschien zunächst auf Grund der geschickten Einzelheiten durchaus glaubwürdig und wurde hartnäckig aufrechterhalten. Erst nachdem sie einen Widerspruch überführt war und nach Anwendung scharfer Zwangsmethoden legte sie folgenden Geständnis ab:

In Moskau werden ab 19.11. 41 zahlreiche Studenten, Studentinnen und andere Angehörige geistig gebildeter Schichten mit oder ohne Zwang zusammengefaßt und zur G.P.U.-Schule in Kunzewo gebracht. Dort finden ständige Lehrgänge mit einer Teilnehmerzahl von durchschnittlich 150 Personen beiderlei Geschlechts statt. In kürzestmöglichen Lehrgängen wird der Gebrauch und der Umgang mit Brandfäähigkeit enthaltenden Flaschen, die Orientierung mit Kompaß usw. gelehrt. Nach drei Tagen wurde der Lehrgang in Gruppen von meist 20 Personen aufgeteilt. Ihre Gruppe bestand aus 11 jungen Frauen und 6 Männern. Die Gruppe wurde zusammen mit einer anderen Brandgruppe in blauen bzw. der G.P.U. auf der Rollbahn zunächst nach Kabinke geschafft. Die zweite Gruppe zweigte dort in die Gegend nördlich der Rollbahn ab, näherer Verbleib unbekannt. Die Gruppe der G. wurde weiterbefördert nach Obuchowo. Die Gruppe der G. wurde geführt von einem Leutnant der russischen Luftwaffe. Jeder Angehörige war ausgerüstet mit 4 Molotow-Cocktails, Pistole mit Munition, Kompaß und Rucksackverpflegung für 7 Tage. Die schon im Lager Kunzewo Bekennungsgebens und gelehrte Aufgabe war das Anzünden und Zerstören solcher Ortschaften, hinter der deutschen Frontlinie, die als Truppenunterkünfte dienen. Diese Arbeit soll so durchgeführt werden, daß sich die Gruppe in der Nacht auf den ganzen Ort verteilt wobei jeder je nach Größe des Dorfes ein oder zwei Häuser anzuzünden hat. Die brennenden Glasflaschen erhalten eine nach dem Zerschlagen sofort brennende Flüssigkeit; besondere Zündung durch Feuer, Handgranate usw. ist nicht nötig.

Die Gruppe der G. hatte den Auftrag den Ort B.emanutachi in Brand zu setzen, anschließend daran möglichst viele weiter westlich gelegene Orte. Als Sicherung für das Hinübergehen hinter die deutsche Frontlinie wurden der Gruppe von einem in Obuchowo gelegenen Stab 20 Soldaten zur Bedeckung beigegeben. Die Führung dieser Gruppe hatte ver-

sagt, da man schon kurz nach dem Überschreiten des Flusses mit deutschen Gefechtseinheiten in Berührung und Schwereverlust kam. Hierdurch wurde die Gruppe, deren offizielle Bezeichnung - Das Brandkommando - lautet, auseinandergeprengt. Nach Aussage der G. sollen in Moskau laufend Aushebungen für die Brandstifterschule in Kunzewo stattfinden, ferner sollen dauernd Transporte einzelner Gruppen an die Frontlinie abgehen. Diese Gruppen sind meist uniformiert; in jeder Gruppe sollen jedoch mehrere Frauen und Männer Zivilkleidung tragen.

Daß die Frau nach Ansicht des Regiments als Partisanin zu betrachten ist wird sie erschossen und zur Warnung aufgehängt mit einer Tafel: - Diese Mädchen war Angehörige einer Brandgruppe -

gez. Pürkauéruer.

7. Division
Ic

Div.Gef.St., den 29.11.41

An

292. Division -Ic-

in Abschrift zur Kenntnis.

Für das Divisionskommando
Der erste Generalstabsoffizier
J.A.

Hauptmann.

4 NARA. T. 315. R. 1924. F. 217-218. Bericht über der Wera Gora, geborgen in Kemerowo bei Nowo Sibirsk, 21 Jahre alt, Beruf: Studentin in Moskau. Infanterie – Regiment 19, Abteilung Ia, Rgts. Gef. St., den 28. November 1941.

5 Документ обнаружен и переведен независимым исследователем Сергеем Вершининым (<https://ahistory.info/document/1790>).

Дикие привычки агрессоров из 1941-го позволяют нам, людям сегодняшнего дня, восстановить эту трагическую историю в деталях. Дело в том, что к немецкому докладу о допросе Веры Горы теперь добавились сделанные оккупантами фотографии тела казненной – всего их три. Первая осела в архиве Кеньон-Колледж в США⁶. На обороте надпись: «Предводительница банды в Головково. Декабрь 1941». Вторую по случаю приобрел рязанский историк Александр Никитин. На ней немецкие военнослужащие разглядывают повешенную. На третьей в объектив попала прибитая к иве табличка с надписью на русском: «Эта девушка была членом группы поджигателей, такая же участь ожидает тех, кто поджигает...» К сожалению, отследить перемещения третьей фотографии сложнее: выкупленная неизвестным коллекционером, она осела в безымянном собрании, а доступное нам изображение оказалось невысокого качества. Полностью надпись на ее обороте не разобрать, но ее начало совпадает с резолюцией подписанного Пюркхауэром бессудного приговора.

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН

ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ

Илл. 1, 2. «Доклад о допросе» Веры Горы (Волошиной), подготовленный полковником Пюркхауэром. NARA. Т. 315. R. 1924. F. 217–218.

ДЕВОЧКА ИЗ СИБИРИ

1 августа 1919 года в сибирском Щегловске, в семье Николая Хохолкова и его жены Клавдии, на свет появилась девочка. Раздираемая гражданской войной страна пока еще помнила о традициях, и 11 августа ребенка окрестили и нарекли Верой⁷. Отец Веры рано ушел из жизни, и уже летом 1921 года ее мать вышла замуж за Даниила Волошина⁸. Новый муж принял девочку как свою и удочерил ее, хотя она и впредь продолжала называть его «дядей Володей». Вера росла как обычный советский ребенок. Вскоре ее поколению суждено будет пройти через чудовищную бойню войны, но пока вокруг кипела новая жизнь, бурно прораставшая сквозь старые устои. Тон в ней задавали любящая мама и строгая бабушка, школьные занятия и спортивные секции, комсомольская работа и верные друзья. Довольно рано у Веры появились собственные достижения: так, на городских соревнованиях среди школьников 1936 года она заняла первое место по прыжкам в высоту⁹. Среди друзей юности выделялись

6 Kenyon College. Bulmash Family Holocaust Collection. 2019.2.93. На обороте фотографии надпись «Bandenführerin in Golowkowo. Dezember 1941» (<https://digital.kenyon.edu/bulmash/1469>).

7 Государственный архив Кузбасса (ГКУ ГАК). Ф. Д-60. Оп. 6. Д. 347. Л. 154–155. Выписка из метрической книги Щегловской Никольской церкви о рождении (1 августа 1919 года) и крещении (11 августа 1919 года) В.Д. Волошиной, г. Щегловск.

8 ГКУ ГАК. Ф. Р-1239. Оп. 1. Д. 188. Л. 143. Запись о бракосочетании Волошина Даниила Степановича и Хохолковой Клавдии Лукьяновны в книге регистрации записей о браке отдела ЗАГС Щегловского уездного исполкома 1921 года.

9 Кузбасс. 1936. № 153. 11 августа. С. 4.

парни – Юра Двужильный и Петя Гора. Окончив школу, Юрий поступил в Ленинградский институт гражданского воздухоплавания на факультет аэродромного строительства, а Петр – сын директора Кемеровского коксохимического завода – начал работать учителем истории в том же Кемерове. В 1937 году, получив направление в Московский институт физкультуры (ГЦОЛИФК), Вера успешно выдержала экзамен и была зачислена в студенты.

Вере нравилось учиться, а попутно и возвращаться в пестрой и необычной столичной жизни. Впрочем, советская молодежь, как и большинство граждан СССР, жила скромно, если не сказать бедно. Из дома приходили небольшие переводы, а обратно шли посылки с тем, чего нельзя было купить в Кемерове: там были нитки для мамы, калоши для бабушки и тому подобный «дефицит».

«В каникулы у меня тоже денег мало, если что-нибудь [бы] купила, я бы совсем голодной была. Я и так уже занимала».

«28-го пошла с одним парнем на концерт в Колонный зал. [...] Я была в своем шерстяном платье, в черных чулках и Валькиных туфлях (мои совсем продырявились)»¹⁰.

«Только что пришли с концерта из Большого зала Консерватории. Сегодня почти всех знаменитых артистов видала»¹¹.

Но потом вдруг происходит несчастье: внезапная болезнь – грипп, давший осложнения на суставы, – губит ростки первых спортивных достижений: «Мама, я совсем поправилась от ревматизма, но у меня очень большое малокровие и порок сердца. А так чувствую себя очень хорошо»¹². Так или иначе, на учебе в ГЦОЛИФК был поставлен крест: пришлось все начинать сначала. Столь же резкие повороты происходят тогда и судьбах Вериных друзей. Отец Петра Горы, попав в жернова репрессий, был арестован, наспех осужден и в 1938 году расстрелян¹³. Петр к тому моменту уже был студентом Московского педагогического института; если бы отца репрессировали раньше, ему не удалось бы туда поступить. Юрий Двужильный ушел добровольцем на «зимнюю войну» с финнами, где стал героем: распределенный в лыжный батальон, он спас раненого товарища и получил орден Красного Знамени.

Вера не сдавалась. Поступила в Московский институт советской кооперативной торговли, на торгово-экономический фа-

10 ГКУ ГАК. Ф. Р-1353. Оп. 1. Д. 35. Л. 7. Письмо Веры Волошиной матери, без даты.

11 Там же. Л. 1. Письмо Веры Волошиной матери, без даты.

12 Наро-Фоминский историко-краеведческий музей (НФИКМ). Документ № 313. Письмо Веры Волошиной матери, 3 июля 1938 года.

13 Василий Борисович Гора (1884–1938) был приговорен к «высшей мере наказания» 4 июля 1938 года выездной сессией военной коллегии Верховного Суда СССР и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1959 году.

культет. Вместе с новыми подружками – Ниной Цалит, Мариной Сониной и Валею Пичкур (именно та одалживала ей туфельки) – девушка жила в общежитии на Волоколамском шоссе, недалеко от станции метро «Сокол». Рутинная жизнь высасывала силы и средства: «Мама, я здорова, вы не беспокойтесь. Работать я устроилась закройщицей, об этом я вам писала. Время летит ужасно быстро. Пройдут лекции, иду на работу, приходишь, поешь и спать»¹⁴. В стране шестидневка, а потому лишь в единственный выходной Петя Гора и мог навеститься к своей подруге юности. В сентябре 1938 года она пишет:

«Вы спрашиваете про Петро Гора. Он здесь, в Москве, учится в педагогическом институте. Каждый подвыходной или выходной приезжает к нам. Что с его матерью? Он очень много пережил, и от прижженного самоубиенного Петро ничего не осталось»¹⁵.

Похоже, жизнь Веры опять налаживалась: новые подруги, старые друзья и снова концерты, кинозалы, праздники. Вот, что девушка пишет родным в ноябрьские праздники 1940 года:

«Ходили сейчас с Ниной по Москве, по площадям. Что творится! На каждой площади танцы, пляски, выступления джаз-оркестров, концерты. Шуму, жуть. Все хохочут, поют. Это днем, а что будет вечером и ночью. Москва уже который день не спит. В институте у нас то же самое. Вчера были на демонстрации. День был замечательный, солнце, тепло. Мама, если бы вы знали, как хороша Москва в праздничные дни. А как вы встречали праздник? Наверное, ничего нет покушать, а здесь магазины ломаются, все-таки еще у нас неправильно обстоит дело в этой области»¹⁶.

В 1940 году в ее жизнь вошел Владимир Карпов – выпускник кинооператорского факультета ВГИКа. Скорее всего он тоже жил в Ленинградском районе, где-то рядом с общежитием Веры, и, подобно ей, ездил гулять в Серебряный бор. Именно там он сделал серию фотографий девушки. Во время совместных прогулок молодой человек неизменно делился рассказами о съемках, о работе операторов и артистов, о статистах и массовке. В конце октября, окончившего киноинститут, «Вовку», как она его называла, призвали в армию¹⁷. Путь Карпова лежал на Крайний Север, в авиационную разведку. Специфика службы – аэрофотосъемка, расшифровка снимков, обозначение позиций и укреплений противника, предназначавшихся

14 ГКУ ГАК. Ф. Р-1353. Оп. 1. Д. 35. Л. 9. Письмо Веры Волошиной матери, 30 октября 1940 года.

15 НФИКМ. Документ № 314. Письмо Веры Волошиной родным, 24 сентября 1938 года.

16 НФИКМ. Документ № 316. Письмо Веры Волошиной родным, 8 ноября 1940 года.

17 Там же. Владимир Карпов был призван РВК Ленинградского района Москвы 31 октября 1940 года. См.: Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 118. Оп. 83 286с. Д. 19 (https://pamyat-naroda.ru/heroes/isp-chelovek_spisok8324324/).

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН
ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ

для бомбовых ударов, – требовала, очевидно, секретности, но это не мешало общению Карпова с Верой: они переписывались вплоть до октября 1941 года. Естественно, он не мог поведать девушке, чем на самом деле занимается, а потому Вера была уверена, что «Вовка за Полярным кругом в действующей армии снимает кадры для новых боевых киноборников»¹⁸. А что же Юра Двужильный? «Мама, если увидите Нину [сестру Юрия], спросите, где он, учится или нет», – интересовалась Вера в письме 8 ноября 1940 года¹⁹. Получается, что переписки со старым школьным товарищем у нее не было, а чем парень занимается, она не знала.

*Илл. 3. Вера Волошина
в Серебряном бору
в 1940 году. Фото
Владимира Карпова.
ГКУ ГАК. Ф. Р-1215.
Оп. 9. Д. 29.*

18 ГКУ ГАК. Ф. Р-1353. Оп. 1. Д. 35. Л. 20 об. Письмо Веры Волошиной матери, 15 октября 1941 года.

19 НФИКМ. Документ № 316. Письмо Веры Волошиной родным, 8 ноября 1940 года.

ШИНЕЛЬ ВМЕСТО ПЛАТЬЯ

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН

ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ

Лето 1941 года, вот-вот начнется война. Вера вместе с подругой Ниной Цалит – в райпотребсоюзе в Загорске, на производственной практике. Здесь девушка приобрела белое шелковое – какой шик по советским временам! – платье; возможно, это был свадебный наряд. В изученной нами переписке с матерью об избраннике ни слова, как и о планах выйти замуж:

«Я здоровая, пока еще в Загорске, но 30-го еду в Москву. [...] У нас институт взяли под госпиталь. Я пока не знаю, где буду жить и что делать. Пока домой приехать не могу. Из Московской области никого не выпускают. По первой возможности приеду. На посланные деньги [250 рублей²⁰] я купила дяде Володе две рубашки, трусы, вам рейтузы и еще на платье. Расплатилась с долгами. Мамуш, вы обо мне не беспокойтесь. Я пока где-нибудь устроюсь работать»²¹.

Георгий Фролов, официальный биограф Веры считал, что именно Юрий Двужильный должен был стать мужем Веры. Но анализ писем показывает, что это предположение необоснованно: она по-прежнему ничего о нем не знает. «Мам, если можете, узнайте, где Юрка, опять, наверное, заработает орден. Он в этом отношении ненормальный. [Его сестра] Нина от него что-нибудь получает?» – спрашивала она в своем последнем письме домой. А вот с Владимиром Карповым переписка продолжается, и, вероятно, именно о нем она пишет матери 31 августа 1941 года:

«Кроме [вашей] телеграммы, оказалось еще письмо, я его вам посылаю, почитайте. Вот видите, о вашей дочери еще кое-кто заботится. Мамуш, если от этого парня будет какое-нибудь письмо, вы отвечайте на него, я ему дала ваш адрес, а то, может быть, меня куда-нибудь опять вышлют. Этот парень очень любит меня»²².

Но вернемся в начало июля:

«Институт никого никуда не отпускает. С 1-го августа начинаем заниматься. Институт кончаем в феврале. Но это все еще вилами на воде писано. [...] Сегодня целый день бродили по Москве, искали постоянную работу. Завтра пойдем на завод, поступим токарями на место ушедших на фронт»²³.

Но вместо резца у Веры в руках оказывается лопата: 3 июля она выехала на оборонительные работы под Брянск. Это на-

20 Сумма в 250 рублей упоминается в следующем письме, отправленном с оборонительных работ в июле 1941 года (ГКУ ГАК. Ф. Р-1353. Оп. 1. Д. 35. Л. 15).

21 Там же. Л. 12. Письмо Веры Волошиной матери, 25 июня 1941 года.

22 Там же. Л. 16. Письмо Веры Волошиной домой, 31 августа 1941 года.

23 Там же. Л. 13. Письмо Веры Волошиной домой, 2 июля 1941 года.

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН
ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ

всегда прерывает общение с Петей Горой: тот в качестве командира студенческого отряда Московского пединститута уезжает рыть противотанковые рвы где-то в Смоленской области. В будущем его карьера пойдет вверх, и это, несмотря на расстрелянного отца: после окончания войны Петр Гора станет ученым-историком, проректором Московского государственного педагогического университета (МГПУ) и даже создаст собственную методическую школу преподавания.

*Илл. 4. Вера Волошина
в 1941 году. ГКУ ГАК.
Ф. Р-1215. Оп. 9. Д. 29.
Л. 2.*

В августе Вера и ее подруги, как и было запланировано, вернулись к учебе. Несмотря на войну, жизнь не стояла на месте: им предстояли курсовые работы, а в феврале – выпускные экзамены. Но совсем не участвовать в боевых и тыловых тяготах было невозможно:

«Наши ребята сейчас на фронте. Двое уже ранены, лежат в госпитале. Я стала донором. Организм ничего не теряет, если отдать двести граммов крови. Через несколько дней он ее опять восстанавливает. Эти капли крови, может быть, спасут человеческую жизнь, а она очень дорога. Мы занимаемся по семь часов. Спать приходится ложиться рано, потому что света в институте у нас нет, встаем тоже рано, как старушки»²⁴.

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН

ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ

Немецкий бросок на Москву, пусть и утонувший в распутице, привел к закрытию Кооперативного института и его эвакуации в поселок Или Алма-Атинской области Казахской ССР²⁵. Но вместо экзаменов Вера с Ниной Цалит оказались в Центральной разведывательно-диверсионной школе при ЦК ВЛКСМ. Это было диверсионное отделение Разведотдела штаба Западного фронта, иначе известное как «хозяйство Спрогиса», названное так в честь командира, латыша Артура Спрогиса. Документы не рассказывают ни о том, как Вера попала «на хозяйство», ни о том, как она проходила отбор. Возможно, она просто обратилась в Ленинградский районный комитет ВЛКСМ²⁶ – райком, к которому был приписан Кооперативный институт, – вслед за подружкой. Цалит вспоминала, что хотела уйти воевать сразу после 22 июня, но «в военкомате не понравилась [ее латышская] фамилия и не взяли»; однако, когда в институте объявили об эвакуации, решила: «не поеду в Казахстан, я лучше пойду на войну». Секретарь комсомольской организации упомянула, что в ЦК комсомола набирают группу добровольцев, и Нина Цалит – дочь латышских политэмигрантов – была сразу принята Спрогисом. Следом за ней отбор прошла и Волошина²⁷.

Вера сообщает об этом домой как бы между прочим, в конце письма: «Мама, мой адрес (только не пугайтесь): Полевая станция 736 п/я 14, майору Спрогису для меня»²⁸. В другом письме немного уточняет – с жутковатым окончанием:

«Мамуш, институт мне кончить не удалось, но я его кончу после войны. Я сейчас на фронте, мамочка. Только не волнуйтесь, ничего страшного нет, и потом, смерть бывает только один раз»²⁹.

Было, чем похвастаться и своим соседкам по комнате в общежитии Марине и Вале: «Если вы сейчас вооружены лопатой,

24 Там же. Л. 18. Письмо Веры Волошиной домой, 4 сентября 1941 года.

25 *Российский университет кооперации: летопись кооперативного ВУЗа 1941–1945 гг.* (www.ruc.su/news/detail/113306/).

26 В наградном листе Нины Цалит указано, что она пришла в воинскую часть 9903 добровольно через Ленинградский районный комитет ВЛКСМ: ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682 524. Д. 287. Л. 302. Наградной лист Цалит Нины Ивановны, 14 февраля 1942 года.

27 *Воспоминания Цалит Нины Ивановны* (www.moypolk.ru/soldier/calit-nina-ivanovna-1).

28 ГКУ ГАК. Ф. Р-1353. Оп. 1. Д. 35. Л. 18, 20. Письмо Веры Волошиной матери, 15 октября 1941 года.

29 Фролов Г.Н. *Вера Волошина. Юрий Двужильный. Документальные повести.* М.: Воениздат, 1987. С. 116.

то мы с Нинкой наганом, гранатой и еще кое-какими вещами. Нам выдали все обмундирование. Так что из нас получились brave ребята»³⁰. Подготовка сводилась к трехдневному минимуму, включавшему «обращение с бутылками с зажигательной смесью» и «ориентирование при помощи компаса»³¹; затем следовала проверка боем – переброска за линию фронта на 7–14 дней. Основной расчет делался на довоенную подготовку и выносливость скороспелых диверсантов. Естественная убыль была жестокой реальностью: тех, кто не справился, быстро заменяли вновь прибывшими – в расчете на то, что следующая партия сдаст рискованный экзамен. Вернувшиеся получали несколько недель отдыха и возможность дальнейшего обучения. В первый раз Вера вернулась живой, однако об этом выходе за линию фронта мы знаем только в общих чертах. Ее отряд действовал с 21 октября по 6 ноября 1941 года в Калининской (ныне Тверской) области, в районе Старицы, где устраивал диверсии на транспортных коммуникациях вермахта³². После возвращения участники группы были вознаграждены короткой поездкой в Москву, после чего вновь занялись тренировочными занятиями и подготовкой к новому выходу на «ту» сторону. Для Веры предстоящее второе задание окажется последним.

ЗАЖИГАТЕЛЬНАЯ СМЕСЬ

15 ноября начался второй этап немецкого наступления на Москву. Фронт 16-й армии был прорван под Волоколамском, и положение становилось поистине отчаянным. 17 ноября Ставка Верховного главнокомандующего издала директиву № 0428, известную также как «гони немца на мороз». В документе говорилось:

«Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом – такова неотложная задача, от решения которой во многом зависит ускорение разгрома врага и разложение его армии»³³.

Практику выполнения этого приказа можно не пояснять. Штаб 5-й армии сразу же конкретизировал приказ Ставки.

30 ГКУ ГАК. Ф. Р-1353. Оп. 2. Д. 21. Л. 2. Письмо Веры Волошиной Марине Сониной, 20 октября 1941 года.

31 NARA. T. 315. R. 1924. F. 217–218. Bericht über der Wera Gora, 28 November 1941.

32 Фролов Г.Н. *Указ. соч.* С. 128–134.

33 ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 111. Л. 21, 22. Цит. по: *Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5-1). Ставка ВГК, 1941 г. Документы и материалы.* М.: Терра, 1996. С. 299–300.

В частности, Разведотделу, вместе с Особым отделом НКВД и партизанским отрядом, предписывалось разрушить «населенные пункты вдоль шоссе Дорохово – Симбухово на участке Дорохово – Колодкино (Грибцово, Усатково, Петрищево, Мишкина [Мишинка], Архангельское, Головкино, Никольское, Колодкино)». Артиллерии и «катюшам» 32-й стрелковой дивизии предписывалось поражать цели в районе Скугорово, Крюково, Маурино и Пашково³⁴. 20 ноября несколько диверсионных групп Спрогиса получили задачи «сожжения населенных пунктов в тылу противника, которые занимают или в которых могут находиться части противника»³⁵. На выполнение этого задания отводилось 5–7 дней с момента пересечения линии фронта.

В одну из таких групп в составе десяти человек были зачислены Вера Волошина и Зоя Космодемьянская. Их командиром стал восемнадцатилетний ярославский комсомолец Павел Проворов³⁶. Перед партизанами была поставлена задача сжечь десять населенных пунктов, занятых врагом³⁷. Командиром другой группы с аналогичным заданием, но с иным списком деревень³⁸ стал Борис Крайнов³⁹. На допросе Вера рассказала своим мучителям, что «каждый из участников был оснащен четырьмя “коктейлями Молотова”, пистолетом с комплектом патронов, компасом и запасом еды (в вещмешке) на семь дней»⁴⁰. Обе группы должны были вместе переходить линию фронта, после чего разделиться и начать действовать самостоятельно. После захода в деревню и рассредоточения каждый боец должен был поджечь по одному или два дома.

21 ноября, к трем часам пополудни машины с диверсантами подтянулись к деревне Обухово, где расположился штаб 322-го стрелкового полка 32-й стрелковой дивизии. К тому моменту фронт пришел в движение: 7-я и 197-я пехотные дивизии вермахта перешли в наступление и отодвинули 19-ю и 32-ю стрелковые дивизии на десяток километров на восток. Советская линия обороны переместилась за Нарские пруды, немцы занимали уже другие деревни, а намеченные под сожжение населенные

34 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 38. Л. 280–284. Приказ командарма 5-й армии № 272, 8 ноября 1941 года.

35 ЦАМО. Ф. в/ч 9903. Оп. 8066. Д. 6. Л. 116. Задание группе в составе [10] человек под командованием ст. группы т. Проворова и зам. Голубева, 20 ноября 1941 года.

36 Павел Сергеевич Проворов (1923–1942) – направлен в распоряжение капитана Спрогиса Ярославским обкомом ВЛКСМ в составе группы из 37 человек. Погиб в бою в Кармановском районе Смоленской области 27 февраля 1942 года.

37 В список входили Анашкино, Петрищево, Ильятино, Пушкино, Бугайлово, Грибцово, Усатково, Грачево, Михайловское, Коровино (ЦАМО РФ. Ф. в/ч 9903. Оп. 8066. Д. 6. Л. 116).

38 «Ястребово, Никольское, Богородское, Архангельское, Златоусово и другие» (Лота В.И. *Секретный фронт Генерального штаба*. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 310).

39 Борис Сергеевич Крайнов (1923–1943) – секретарь Ярославского горкома комсомола, направлен Ярославским обкомом ВЛКСМ в распоряжение капитана Спрогиса в составе группы из 37 человек. В 1943 году откомандирован в действующую армию, погиб 5 марта в районе Старой Руссы.

40 NARA. T. 315. R. 1924. F. 217–218. Bericht über der Wera Gora, 28 November 1941.

пункты оказывались еще глубже в немецком тылу – и значит, увеличивался риск того, что с задания группа не вернется. Но приказы не обсуждают.

Советские бойцы проводили контратаки и вели разведку ранее оставленных позиций. В этих тяжелых условиях диверсанты пошли за линию фронта, использовав «вход» у деревни Большие Семеньчи. Группе были приданы двадцать солдат боевого охранения, но при переходе через реку Нару сопровождающие напоролась на немецкую разведку. Последовала перестрелка, группа охранения отошла, а партизаны продолжили продвигаться на запад самостоятельно. Вскоре в районе дороги Дютьково – Маурино они вновь наскочили на немецкий патруль, после чего разделились на маленькие по численности «спайки».

Для осени 1941 года такая ситуация была нередкой. Алексей Голубев⁴¹, ставший командиром такой группки, куда вошла и Вера Волошина, описывал хаотичные встречи в лесу с отколовшимися от другой группы советскими диверсантами. О том же отчитывался и Борис Крайнов:

«При обстреле в районе дороги Дютьково – Маурино кроме охранения, отстали четыре человека. [...] В моей группе остались Крайнов, Булгина, Щербачков, Булгина [фамилия Булгиной повторяется дважды, вероятно, имелась в виду Лебедева. – А.В.]. Задачу, которую мне поставили, с этим составом выполнить не мог. Решил соединиться с группой Проворова, в которой было шесть человек. Итого у нас было десять человек. Было решено выполнить задачу этой сборной группой»⁴².

В группе Проворова–Крайнова оказалась Зоя Космодемьянская. Через несколько дней она вместе с Борисом Крайновым и еще одним диверсантом, Василием Клубковым⁴³, уйдет в свой последний бой к деревне Петрищево.

МОЛЧАЩИЙ СНЕГ

То, что командиры групп Проворов и Крайнов оказались вместе, еще полбеды – куда хуже было то, что лишь у них двоих имелись карты местности, а потерявшиеся остались без них.

41 Алексей Федорович Голубев (1923–?) – заместитель командира группы Проворова. Направлен в распоряжение капитана Спрогиса Ярославским обкомом ВЛКСМ в составе группы из 37 человек.

42 ЦАМО РФ. Ф. в/ч 9903. Оп. 8453. Д. 4. Л. 139. Отчет Бориса Крайнова, 1 декабря 1941 года.

43 Василий Андреевич Клубков (1923–1942) – входил в группу Павла Проворова, был захвачен в плен в районе Петрищево. Согласно материалам уголовного дела, Клубков выдал Зою Космодемьянскую, а после был направлен немцами в советский тыл для сбора информации о частях Красной армии. 3 апреля 1942 года военный трибунал Западного фронта приговорил его к расстрелу. Позже материалы дела оспаривались, но в реабилитации Клубкова было отказано.

«Действовать в тылу не могли, так как не было карты», – позже констатировал Алексей Голубев⁴⁴. Его подчиненные, и Вера среди них, застряли в лесу между Большими Семеньчами, Радчино и Головково. Это был ближний тыл немецких войск. Не ориентируясь на местности, молодые партизаны мало что могли предпринять. В окрестностях Радчино они попытались провести разведку, отправив 16-летнего Николая Морозова в деревню, но тот с задания не вернулся⁴⁵. Выданный на неделю паек быстро заканчивался, и поэтому было решено возвращаться к своим.

По какой-то неизвестной причине группа, возглавляемая Голубевым, пошла не прямо назад, на восток, а на север, то есть вдоль немецких позиций, огибая Нарские пруды. 27 ноября, далеко за полночь диверсанты перешла дорогу между деревней Якшино и совхозом Головково. Светила луна, и на снегу отчетливо виднелись следы прошедших недавно машин и танков. На всякий случай партизаны заложили под снег несколько мин. Произошедшее в следующие несколько минут Георгий Фролов позже описывал так:

«Вдруг из-за поворота дороги неожиданно раздалась автоматная очередь, за ней другая, третья. Под огнем неприятеля группа отошла за дорогу. На поляне остались Вера Волошина и танкист-окруженец... Наташа видела, как Вера, взмахнув рукой, молча упала в снег. И еще запомнилось, как при свете луны блеснуло на ее руке стеклышко компаса, с которым Вера никогда не расставалась. Вскоре стрельба утихла. Слышно было, как взрели моторы, и их рокот стал удаляться в сторону совхоза, пока не затих совсем. Наташа [Самойлович] с двумя бойцами ушла в разведку. На поляне они нашли убитого танкиста. Веру найти не удалось. Только темнели на снегу пятна ее крови. Гибель товарищей глубоко всех потрясла»⁴⁶.

В официальном партизанском отчете все суше и проще: «Отстала т. Волошина»⁴⁷. Как выяснилось позже, немецкий батальон стоял лишь в километре восточнее Якшино⁴⁸. До спасительной линии фронта партизанам оставалось совсем чуть-чуть – около двух километров. В районе деревни Еремино голубевцы, потерявшие по пути Веру, вышли к своим.

Немецкие документы столь же скупо засвидетельствовали, что на участке III батальона 19-го пехотного полка полковника Пюркхауэра в восемь часов утра была задержана женщина, назвавшаяся Верой Горой. В докладе о состоявшемся допро-

⁴⁴ ЦАМО РФ. Ф. в/ч 9903. Оп. 8453. Д. 4. Л. 142. Отчет Алексея Голубева, 1 декабря 1941 года.

⁴⁵ Николай Иванович Морозов (1925–1941) считается пропавшим без вести.

⁴⁶ Фролов Г. Н. *Указ. соч.* С. 145.

⁴⁷ ЦАМО РФ. Ф. в/ч 9903. Оп. 8453. Д. 4. Л. 142. Отчет Алексея Голубева, 1 декабря 1941 года.

⁴⁸ NARA. T. 315. R. 375. F. 899. Lage am 27.11.41 19:00 Uhr, 7. Infanterie Division.

се нет упоминания о ранении задержанной. К слову, в донесении использован глагол *festgenommen* – «задержали», а не *gefangengenommen* – «пленили». Возможно, это означает, что в ходе инцидента не было ни перестрелки, ни ранения, но точно мы этого не знаем. Вместе с тем местные жители, обнаружившие казненную партизанку, утверждали, что она была ранена в левое плечо. Имеющиеся фотографии не позволяют дать точный ответ на вопрос, была ли Вера ранена, но, как кажется при их просмотре, где-то в районе сердца есть небольшое темное пятно на свитере.

Хотя укоренилось представление, что нацисты советских партизан вешали, в реальности не во всех немецких частях прибегали к этому способу казни. В ряде случаев захваченного партизана, окруженца или заложника прежде расстреливали, а повешению подвергали уже мертвое тело – сугубо в качестве устрашения. Именно так в Волоколамске 6 ноября 1941 года были казнены бойцы группы Константина Пахомова из того же «хозяйства Спрогиса»: мы точно знаем об этом, поскольку впоследствии была обнаружена немецкая «фото-раскадровка» всей процедуры казни. А вот Зою Космодемьянскую демонстративно повесили.

В книге Георгия Фролова приводится рассказ местной жительницы, присутствовавшей при казни Веры, однако он дается в пересказе ее дочери, сделанном спустя пятнадцать лет после трагедии:

«Девушка лежала в машине. Сначала не видно было ее, но, когда опустили боковые стенки, я так и ахнула. Лежит она, бедняжка, в одном исподнем белье, да и то оно порвано, и вся в крови. Два немца, толстые такие, с черными крестами на рукавах, залезли на машину, хотели помочь ей подняться. Но девушка оттолкнула немцев и, цепляясь одной рукой за кабину, поднялась. Вторая рука у нее была, видно, перебита – висела как плеть. А потом она начала говорить. Сначала она говорила что-то, видать, по-немецки, а потом стала по-нашему. “Я, – говорит, – не боюсь смерти. За меня отомстят мои товарищи. Наши все равно победят. Вот увидите!” И девушка запела»⁴⁹.

Пела она «Интернационал», служивший в то время гимном Советского Союза.

В имеющихся на сегодняшний момент документах нет прямого указания на дату казни. Учитывая, что Вера Волошина была задержана утром 27 ноября и допрошена в тот же день, представляется маловероятным – вопреки утверждениям советского писателя Фролова, – что немцы сохраняли ей жизнь

49 Фролов Г.Н. Указ. соч. С. 153–154.

еще два дня. С Зоей Космодемьянской они расправились за двенадцать часов, и вряд ли Пюркхауэр тянул время. Вернувшиеся на родное пепелище жители Головкино похоронили безымянную партизанку в могиле рядом с ивой, к которой была прибита устрашающая табличка.

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН

ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ

ВЛЮБЛЕН ПОСМЕРТНО

Без малого двадцать лет Вера Волошина считалась пропавшей без вести – «отставшей». Правда, о ней помнили ее боевые подруги; знала о ней и мать Зои Космодемьянской – Любовь. Последняя, посещая Кемерово в 1957 году, упомянула про подругу Зои по имени Вера. И ставшая символом мужества Космодемьянская словно вытащила Веру из холодного ноября 1941-го. Сначала о ней написали в «Комсомольце Кузбасса», а потом в «Комсомольской правде»⁵⁰, где на заметку обратил внимание молодой журналист Георгий Фролов. Он получил личное дело партизанки, в котором были подшиты письма матери, разыскивающей дочь, написал ей – и та ответила, помогла найти боевых подруг Веры. От них он узнал скудные подробности событий без малого двадцатилетней давности и...

...и полюбил свою героиню. Полюбил как тему, как образ, как профессиональное призвание. Фролов поехал на места подмосковных боев искать Веру; он достаточно быстро нашел тех, кто помнил повешенную «нашу партизанку». Ему показали место захоронения девушки и узнали ее на фотографиях. Исследование жизни Веры Волошиной стало важнейшей составляющей жизни журналиста. Он стал единственным человеком, настолько преданным ее судьбе; неудивительно, что мы во многом живем в созданном им нарративе – в его истории об этой девушке, погибшей в Подмоскovie суровой осенью 1941-го. Не исключено, что именно в силу личной привязанности и слияния с темой Фролов многое добавил в ее биографию от себя.

Волошина стала для Фролова идеалом, символом ленинско-сталинской молодежи, «ровесников Октября». Во фроловском изложении Вера явила собой судьбу целого поколения, все то, что дало всходы в стране Советов. Вера – красавица, комсомолка, талантливая студентка. Вера – упорная спортсменка, участница парадов на Красной площади, преданная делу партии девушка. Вера – утверждающая веру в неизбежность победы сначала в 1917-м, потом в 1945-м и, в конце концов, когда-нибудь в будущем, в планетарном масштабе. Личность, символ, поколение. А также невеста, партизанка, мученица.

50 Калачинский В. «Она сражалась рядом с Зоей» // Комсомольская правда. 1957. 15 февраля. № 39. С. 2.

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН
ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ

Неудивительно, что он подобрал ей новую дату рождения, 30 сентября – День святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. И дату смерти он тоже подверстал – по Зое, – сделал ею 29 ноября. Жизнь Веры в описании Фролова похожа на секулярное житие; в своих статьях и книгах он многократно повторяет одни и те же фразы и конструкции. Такой он видел и чувствовал Веру, такой он ввел ее в пантеон советских героев, такой теперь мы ее знаем. Он сделал ее невестой Героя Советского Союза Юрия Двужильного: в нынешнем Кемерове их именами называют две пересекающиеся улицы. В 1965 году Фролов добивается награждения Веры орденом Отечественной войны I степени⁵¹, а через три десятилетия – и присвоения ей звания Героя, но уже не Советского Союза, а России⁵².

Илл. 5. Памятник на месте захоронения Веры Волошиной в деревне Крюково. Фото автора.

51 ЦАМО РФ. Картотека награждений. Шкаф 17. Ящик 11. Орден Отечественной войны I степени, 6 мая 1965 года.

52 Указ Президента Российской Федерации от 6 мая 1994 года № 894 «О присвоении звания Героя Российской Федерации Волошиной В.Д.» (www.kremlin.ru/acts/bank/6023).

Но, обрамляясь героической рамкой, портрет героини становится безжизненно-мраморным, парадным. Между тем жизнь Веры Волошиной была, возможно, не слишком яркой, но зато похожей на жизни миллионов молодых граждан Страны Советов. Как и многим ее сверстникам, девушке жилось трудно, ведь лишения и неустроенность в сталинском СССР были почти нормой, а плановая экономика превращала каждого, попавшего из глубинки в столицу, в невольного снабженца, отправляющего в родные места «дефицит». Денежные долги переплетались с моральными обязательствами перед родителями и страной. Но Вера верила, что доучится, и надеялась, что вытащит мать и отчима из скудости и прозябания. Но вскоре и без того непростые будни сменились чем-то гораздо более худшим и страшным: пришла война, поломавшая все надежды и разрушившая все планы. Родители далеко. Того, кто любит, рядом нет. Учебе и выпуску не бывать. Красивое платье куплено, но его уже не надеть. Нет, она не спешит на фронт, но и не прячется от него. Она волнуется и переживает, но пытается утешать как себя, так и родителей. Ведь двум смертям не бывать.

* * *

В руки исследователей редко попадают документы, рисующие последние часы жизни человека, который был бы настолько восславлен в советском пантеоне, как Вера Волошина. Вопреки фроловскому канону она не молчала на немецком допросе – попробуй смолчи под пытками, когда тебе всего 22 и ты абсолютно одна, – но она, как подтверждает вражеский протокол, не сдала оккупантам своих товарищей, выстояла, и в этом смысле зверство немцев не принесло им пользы. Девушка не могла не понимать, что ее ждет, и пыталась избежать смертной участи в безнадежном раскладе, выдавая себя за артистку масовки – словно ища спасения у друга Вовки. И немцы поначалу едва не поверили ей. А потом, присвоив себе фамилию репрессированного хозяйственника, она вторично попыталась обмануть судьбу и своих мучителей, но и на этот раз не получилось.

Полковнику Пюркхауэру, недавно найденный рапорт которого и подтолкнул нас к этому расследованию, было суждено оставить восточный фронт. Умирая от рака в декабре 1943 года, он вряд ли вспоминал о деревне Головково и о том, что там произошло.

